

УДК 357

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ЛИБЕРАЛИЗМА?

© 2017 г. С.К. Пашкевич*

Статья поступила в редакцию 1.07.2017.

Этот судьбоносный вопрос сегодня как нельзя актуален для манхэттенских либералов, поскольку с победой Дональда Трампа, по их мнению, в Америке наступает что-то вроде "Темных веков". Об этом ещё в ноябре прошлого года поведал главный редактор интеллектуального журнала "Нью-Йоркер", блестящий журналист – Дэвид Ремник. В своей колонке (воистину крик души), озаглавленной ни много, ни мало "Американская трагедия", он заявил о наступлении фактически Царства Антихриста: "Трагедия... для республики, трагедия для конституции и триумф сил шовинизма, авторитаризма, сексизма и расизма. ...Исполнительную власть в США возглавило самое настоящее "воплощение темных сил."

Ключевые слова: конец либерализм, конец истории, плюралистическая конституциональная демократия.

Новое средневековье

Именно в таком, мрачноватом, контексте в мартовском номере журнала "Нью-Йоркер" публикуется критическое эссе Эдама Гопника "Нелиберальное воображение"¹, посвящённое анализу двух недавно опубликованных в США философских произведений. Речь, в частности, идёт о книгах "Эпоха гнева" Панкаджа Мишры² и "Культура роста" Джоэла Мокира.³

Авторы обеих книг обращаются к весьма фундаментальным с философской точки зрения вопросам. Панкадж Мишра, индийский писатель и эссеист, лауреат ряда литературных премий, анализирует то, что он называет "неудачами неолиберализма" в современном мире, том самом мире, в котором с начала 2010-х происходит возвращение консервативных сил.

Что касается Джоэла Мокира, знаменитого американского историка экономики, автора "Культуры роста", чьи статьи публиковались и в российской прессе, он исследует, почему наука и технология, и, по его мнению, сопутствующий им колониализм, в сравнительно недавнем прошлом распространялись именно с Запада на Восток, с Севера на Юг, а не наоборот? Каким образом культура, т.е. система ценностей и воззрений, оказывает влияние на соци-

* ПАШКЕВИЧ Сергей Карлович – стипендиат Программы Фулбрайта в рамках проекта "Семнадцать мгновений Русской Америки" в категории "Креативная журналистика".

¹ Gopnik A. *The Illiberal Imagination* The New Yorker. 20.03.2017, p. 88-93.

² Mishra P. *Age of Anger A History of the Present*. N.Y., Farrar, Straus and Giroux, 2017. 416 p.

³ Mokyr J. *A Culture of Growth: The Origins of the Modern Economy* (Graz Schumpeyter Lectures). Princeton, New Jersey. Princeton University Press. 400 p.

ально-экономические преобразования? Хронологическим фокусом его научного интереса стала эпоха между 1500 и 1700 гг., время от Колумба до Ньютона.

Рассматривая две эти книги именно в контексте происходящего сейчас в политической жизни Соединённых Штатов, автор эссе задаётся вынесенным в подзаголовок вопросом: "Находятся ли либералы на неправильной стороне истории?". Очевидно, что речь идёт именно об американском – или, в более широком смысле, западном – понимании либерализма. Соответственно, в этой системе координат либералы – это Барак Обама и Джереми Корбин,⁴ а Дональд Трамп и Тереза Мэй – консерваторы.

Итак, согласно Эдаму Гопнику, "Тёмные века" уже настали. В эту эпоху происходят катаклизмы, например, "случается брексит", решение о котором принимается на основе столь малого преимущества в голосах, что "даже неясно, кто на самом деле выиграл" или "из-за странностей архаичной электоральной системы, созданной для того, чтобы голоса людей из глубинки имели преимущество над голосами горожан, избираются дональды трампы".

И, тем не менее, "столь малое преимущество" было всё-таки за *выход из ЕС*. За то, чтобы *остаться* в Европейском Союзе, проголосовало ещё меньше подданных Её Величества. И этот факт, эту "упрямую вещь" автор игнорирует. А почему он забывает указать, что предвыборный штаб Хиллари Клинтон прекрасно знал об "архаичной электоральной системе", прописанной во второй статье Конституции США, и соответствующим образом мог бы планировать тактику своей избирательной кампании. И теперь, после безусловного поражения по голосам выборщиков (227 у Клинтон против 304 у Трампа), вспоминается поговорка про размахивание кулаками после драки. Демократическая партия, а также либеральные СМИ с такими флагманами, как "Си-эн-эн" и "Нью-Йорк таймс", как раз этим сейчас активно занимаются. Однако экспресс с надписью *Trump Train* уже ушёл, а они так и остались на перроне Гранд-Сентрал-стейшн. Нравится кому-то этот "машинист" или нет – дело десятое.

Однако сдержанный оптимизм, возможно, даже исторический оптимизм в эссе всё же присутствует. Автор считает, что даже в свете происходящего сегодня в мире не стоит поддаваться панике и бояться того, что "плюралистическая конституционная демократия обречена", а ей на смену может прийти "автократический апокалипсис". История постоянно в развитии и одно сменяет другое, справедливо заключает он. Всё дело, считает он, в "уловке презентизма", т.е. методологически ошибочной экстраполяции того, что происходит *сейчас*, на то, что *будет*: "если Запад разрушил Берлинскую стену и в Санкт-Петербурге открылся "Макдоналдс", то история человечества на этом вовсе не завершается. Автору здесь нельзя отказать в элегантной формулировке анти-тезы Фрэнсису Фукуяме и его "Концу истории". Фукуяма как раз чрезмерно оптимистически, как теперь очевидно, экстраполировал эпоху начала 1990-х, с её победой капитализма и либеральных ценностей, на неограниченный период времени в будущем.

⁴ Джереми Корбин – лидер Лейбористской партии Великобритании, антифашист и сторонник объединения Ирландии, известный своими ультралевыми взглядами.

Однако, как известно, задним умом довольно просто быть крепким, поэтому обратимся к первоисточникам.

Вольтер и Руссо: культ разума vs. культ природы

Панкадж Мишра в своей книге "Эпоха гнева" выдвигает интереснейший тезис о том, что история столкновения либерализма, ныне в его глобалистской инкарнации, с тем, что он называет "реваншистским национализмом", насчитывает уже не одно столетие. Под "реваншистским национализмом" П. Мишра имеет в виду и возникновение "Исламского государства" и доморощенных американских террористов, и, собственно, волну общенационального протеста, которая занесла в Белый дом Дональда Трампа.

Конфликт этот, считает Мишра, берёт своё начало во Франции XVIII века. Именно тогда Просвещение с Вольтером в качестве "прогрессора" цивилизации стало идеологическим обоснованием становления либеральной экономики и империализма, т.е. экономической, военно-политической и культурной экспансии Запада в остальной мир. Это вызвало, в качестве эмоциональной реакции, романтизм Жан-Жака Руссо, пробудивший, в свою очередь, современных демагогов, демонов национализма и клановости. Именно тогда и начался этот идеологический конфликт между старым и новым, глобальным и местным, передовым и отсталым, продолжающийся и по сей день.

В понимании Мишры, Вольтер – это "сверхрационалистический" философ, породивший вражду к церкви как оплоту реакции во Франции. Вольтер считал, что борьба с церковью несёт в себе безусловно прогрессивный смысл в силу того, что вольнодумство и отказ от косных традиций по определению лучше ретроградства. Руссо же в ответ на неприемлемый для него культ разума Вольтера инициировал романтические поиски традиционного общества как основы цивилизации, заявив, таким образом, свой культ природы, отрицавший частную собственность, а значит, капитализм и прогресс. Причём именно в философии Руссо переплелись безобидная любовь к первозданной природе (знаменитый призыв "Назад, к природе!") и гораздо менее невинная, по крайней мере, в политическом смысле, интерпретация "всеобщей воли" народов, эксплуатируемой с тех пор диктаторами всех мастей. Получается, что политический арсенал, где хранятся такие могучие орудия, как "традиционные ценности", "борьба с тлетворным влиянием" и "духовные скрепы", согласно Панкаджу Мишре, был в своё время составлен Руссо.

Сегодняшние участники Давосского форума, политики и бизнесмены, это, выражаясь языком Мишры, "дети Вольтера", те самые "прогрессоры", принявшие ныне облик транснациональных глобалистов. А пресловутые *deplorables*, или, по-простому, "отбросы", голосовавшие за Трампа, с его мантрами "Америка прежде всего!" (*America first!*), "Сделаем Америку снова великой!" (*Make America Great Again*), – это современные руссоисты, страдающие от потери своей национальной идентичности и того, что Мишра называет "клановым комфортом".

А ведь, возможно, именно это неосторожное слово '*deplorables*' и высокомерное отношение к электорату соперника стоило Хиллари Клинтон, казалось,

уже гарантированного президентства... Возможно, из-за этого одного слова и наступили те самые "Темные века". Будущее изменилось внезапно, прямо как в рассказе Брэдли "И грянул гром!"

Автор эссе, между прочим, вовсе не уверен в безупречности суждений Мишры о Вольтере, считая их хоть и интересными, но отнюдь не бесспорными. Проще говоря, Эдам Гопник вовсе не считает, что Вольтер был "твердолобым прогрессором". Он полагает, что "Кандид" – одно из наиболее известных произведений Вольтера – это "самый знаменитый аргумент" против утопического прогрессивизма, в котором Мишра упрекает французского философа. Вольтер, с точки зрения автора эссе, был человеком весьма противоречивым, жадным и эгоистичным. С другой стороны, он был альтруистом, бесстрашным и щедрым, распространявшим идеи Просвещения до самых дальних уголков Европы, успешно "продавая" их правившим там автократам. Например, Екатерине Великой, одной из самых известных поклонниц Вольтера и его философии.

Самое интересное начинается, когда Мишра раскрывает свой тезис о противостоянии Вольтера и Руссо, Просвещения и Романтизма. Получается, что радикальные исламисты, включая иранских аятолл, это продукт западного романтизма, по крайней мере, его элементов, хаотично надерганных и приложенных к арабской и персидской специфике. Этим же объясняется воинствующий индуистский национализм в современной Индии. Более того, сионизм и исламский фундаментализм, нацизм и радикальный индуизм – одного поля ягоды, взращённые на основе романтизма Руссо. Их апологеты разделяют веру в древнее право крови, в национальную идентичность как основу общества в темное, дикое, эмоциональное начало, антитезу рационализма Запада и философии Вольтера. Именно это является основным выводом книги. С точки зрения Мишры, Тимоти Маквей,^{*} взорвавший 168 человек в Оклахома-Сити в 1995 г. и Рамзи Юзеф,^{**} совершивший теракт во Всемирном торговом центре в Нью-Йорке двумя годами раньше – близнецы-братья. Трудно с этим спорить, учитывая приведённое Мишрой высказывание Рамзи о Маквее: "Во всей своей жизни я не встречал никого более близкого мне по взглядам".

Интересно, что философский конфликт Руссо и Вольтера имел и личные корни: великие французы были, мягко говоря, не в восторге друг от друга. Руссо у Вольтера был "зловещим сумасшедшим". В свою очередь, тот называл Вольтера "трубадуром бесчестия".

^{*} Тимоти Джеймс Маквей (*Timothy James McVeigh*) резервист армии США, ветеран войны в Персидском заливе, организатор самого крупного (до событий 11 сентября 2001 г.) террористического акта в истории Америки – взрыва в федеральном здании имени Альфреда Марра в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 г., унесшего жизни 168 человек, включая 19 детей младше шести лет. Маквей, симпатизирующий движению ополчения в США, пытался отомстить федеральному правительству за осаду "Маунт-Кармел", которая за два года до этого закончилась смертью 82 человек. Заодно он надеялся поднять восстание против федерального правительства, которое он называл тираническим.

^{**} Рамзи Юзеф – террорист, член "Аль-Каиды", взорвавший в 1993 г. Международный торговый центр в Нью-Йорке, что привело к гибели шести и ранениям сотен человек.

Ветер с Запада дует сильнее ветра с Востока

В произведении английского литературного критика и поэта XVIII века Сэмюэла Джонсона "История Расселаса, принца Абиссинского" главный герой, обращаясь к своему придворному философу, вопрошает: "Почему европейцы столь могущественны? Почему они приходят в Африку и Азию для торговли и завоеваний, а азиаты и африканцы не могут достичь их берегов, основать в их собственных портах колонии и установить там свои законы?" "Они более могущественны, о повелитель, – отвечал философ, – потому что у них больше знаний. А знание всегда будет иметь преимущество над невежеством, подобно тому, как человек управляет животными. Но ответ на вопрос, почему их знания превосходят наши, я дать не могу".

Джоэл Мокир в своей книге "Культура роста", которую экономист Дейдра Макклоски* назвала "блестящей, интересной вплоть до последней страницы", ищет ответ на этот вопрос, только формулирует его по-другому: стал ли либерализм тем самым ветром, который наполнил паруса империализма?

Настоящая революция, по мнению Мокира, именно то, что дало Западу преимущество в эпоху Нового времени, – это революция промышленная, а вовсе не Великая французская. Подлинная элита общества – не философы, профессора и журналисты, а инженеры, механики и ремесленники. Те, кто создаёт "замечательные машины", оказываются могущественнее тех, кто выдвигает "великие идеи". Миром, таким образом, управляют "хозяева реальности", а не "мыслители".

Спорно? Возможно. Но, безусловно, достойно внимания. Мокир, неплохо знакомый с историей Востока, приводит в пример Китай, где тоже было своё Просвещение – но оно коснулось только идей и не привело к развитию технической мысли и сопутствующей ей *машинерии*, как в Европе. С этой точки зрения и Вольтер, и Руссо, по выражению автора эссе, просто "водяные испарения, поднимающиеся над работающим паровым двигателем". Именно "физики", а не "лирики", в более приближенных для российского читателя терминах, представляют собой движущую силу прогресса – и двигатель этот впервые заработал на Западе. Отсюда и преимущество Запада перед Востоком. Именно в этом заключается ответ на вопрос принца.

Таким образом вывод о том, что "ученье – свет, а неученье – тьма" в силу своей обманчивой бесспорности, с точки зрения Мокира, совершенно не столь очевиден для широкой общественности самого Запада, когда речь идёт о том, почему в цивилизационной гонке лидирует именно Запад. Гопник, в поддержку тезиса Мокира, ссылается на знаменитое произведение Кампанеллы "Город Солнца". В обществе Утопии "наиболее благородным человеком признаётся тот, кто обладает наибольшим количеством умений... например, каменщик или кузнец".

В подкрепление своего тезиса Мокир приводит интересный, но при этом весьма малоизвестный факт: значительную часть научных открытий в Англии совершили люди, никогда не учившиеся в Оксфорде или Кембридже! Зато они

* Американский экономист, профессор экономики и истории в Университете Айовы, автор более полутора десятка книг по экономике.

были внимательными и пытливыми ремесленниками. Сам Гопник добавляет, что ярким примером из этого списка стал бы Майкл Фарадей, выдающийся английский физик и химик, ученый и практик, человек, открывший электромагнитную индукцию и создавший, помимо множества других изобретений, первую модель электродвигателя. До того, как полностью посвятить себя науке, Фарадей работал... учеником переплетчика.

Эдам Гопник завершает своё эссе меланхолично: глядя на консервативный накат, на приход Трампа и "падение Европы", уместно задаться вопросом – какова судьба либерализма? Система просто дала временный сбой или она вся неисправна? Ведь ещё несколько лет назад, в президентство Обамы, при сильном евро и лейбористах у власти в Великобритании, идея такого эссе могла бы появиться только в страшном сне!

Свободное, открытое общество создаёт "тревоги", которые порождают тягу к обществу "контролируемому", управляемому, по мнению Гопника, олигархией и представителями "напуганного населения, сопротивляющегося переменам". И цикл этот бесконечен, как океанские приливы и отливы. Он полагает, что противостояние между "динамичностью космополитизма" и "ностальгической реакцией" гораздо древнее, чем противостояние Вольтера и Руссо. Стоит вспомнить Платона с его выбором "упорядоченной" Спарты, а не "свободолюбивых" Афин.

Между прочим, напоминает автор эссе, на склоне лет тот же Вольтер отошёл от "чистой философии", обратившись к практическим вещам: часовому делу, выращиванию плодов и картографии звездного неба, что вполне созвучно идеям Джозела Мокира. Именно поэтому в "Кандиде" он призывал "возделывать свой сад", зачастую в буквальном смысле. Фраза "человек – творец собственного счастья" звучит в таком контексте необычайно актуально. Мир не становится лучше или хуже, счастья надо не дожидаться, а создавать, по-сему вставайте и творите. В мире ещё много садов, которые следует возделывать, и много детей, которым требуется наша забота, – всё-таки оптимистично заключает автор.

Все мы, продолжает Гопник, живём в социуме, где – хотим мы того или не хотим – есть место несправедливости, неравенству, угнетению и даже прямой агрессии. Но в исторической перспективе, современное общество Запада несравненно более гуманно, нежели общества предшествующих эпох. И прогресс этот трудно отрицать с фактической точки зрения: просто "жернова истории мельют медленно".

Получается, что будущее у либерализма есть, возможно, даже лучезарное, как показывает вектор развития человеческой истории, по крайней мере, на Западе. Волны "гнева" накатывают и откатывают, и сейчас как раз та эпоха, когда идёт "прилив"... Можно ли то же сказать о либералах из Нью-Йорка? Вопрос остаётся открытым.

Scanning the Press

The Future of Liberals: Bright or None

(USA ❖ Canada Journal 2017, No 9, p. 92-98)

Received: 1.07.2017

PASHKEVICH Sergey Karlovich, A Fulbright Scholar Program 2017 grant-holder in 'Creative Journalism'.

Is there a future for liberalism? This question is just crucial for the Manhattan liberals, since with the victory of Donald Trump as they put it, America comes to something like the Dark Ages. An intellectual journal "The New Yorker" announced that November 2016 in the face of its Editor-in-chief, a brilliant journalist David Remnik. In his column (truly a cri de coeur), entitled "American tragedy", he stated about the coming of the virtual Kingdom of Antichrist: "Tragedy ... for the republic, a tragedy for the constitution and the triumph of forces of chauvinism, authoritarianism, sexism and racism ... The executive power in the United States was headed by the most real "embodiment of the dark forces."

Keywords: Liberal mind, terrorism, the 'right side of history', the end of history.